

АФФИКСАЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ СУБСТАНТИВОВ И ИХ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ДРУГИМИ СУБСТАНТИВАНТАМИ В ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТАХ

Нагамова Н.В.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1/А, корпус 1), e-mail:diamant-78@list.ru

Данная статья посвящена различным способам аффиксальной деривации в немецком языке и репрезентации нового знания в философском дискурсе как вербализации особых форм мышления и как одному из аспектов порождения новых лексических единиц с развернутой смысловой структурой. В статье обсуждаются морфологические особенности порождения новых субстантивов с помощью префиксов и суффиксов в немецком языке с точки зрения компонентной деформации сложных слов с многозначными компонентами. Продуктивность подобных деривационных моделей немецкого языка обнаруживается в том, что среди понятий философского языка существует достаточно много не зафиксированных в лексикографических источниках окказионализмов, возникающих в речи соответственно намерениям адресанта и выполняющих особые функции, каждый конкретный акт создания аффиксированного субстантиванта репрезентирует феномен, стоящий в определенном отношении к понимаемому объекту, к объективно данному общему смыслу.

Ключевые слова и фразы: аффиксация, сложное слово, деривационная модель, компонентный состав, трансформация морфемной структуры.

SUBSTANTIVE AFFIXATIONAL DERIVATION AND ITS SUBSTANTIONAL RELATIONS TO OTHER SUBSTANTIVES IN PHILOSOPHICAL TEXTS

Nagamova N.V.

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkinast. 1/A, building 1), e-mail: diamant-78@list.ru

This article is devoted to different methods of affixation in German, and new conceptual knowledge representation in philosophical discourse as the verbalization of specific way of thinking and one of the main aspects of new lexical units derivation with extensive sense structure. The morphologic features of German substantive derivation in the context of component deformation of the compounds with polysemous elements are discussed in the article. The Efficiency of the derivational models in question in German is defined in the following, there are many occasional words not recorded in lexicographic sources amount the -compounds, which are arising in the speech acts according to intentions of the sender and discharging special functions in texts of various genres, each concrete act of affixation substantive derivation represents a phenomenon standing in a certain relation to understood object, to objectively given general sense.

Key words: affixation, compound word, derivation model, volume components, morphemic structure transformation.

В настоящем исследовании мы анализируем аффиксальные способы образования определенных типов субстантивантов в экзистенциалистских текстах М. Хайдеггера и рассмотрим их содержательные отношения с другими видами субстантивантов. Уже в самом начале «Бытия и Времени» внимательному читателю бросается в глаза большое количество существительных со словообразовательным суффиксом *-ung*. Для дискурсивного текста число этих существительных 329 на 10000 слов, а для аналитических 250. По таблице можно увидеть сколь велико это число по сравнению с другими авторами.

Новообразования Хайдеггера, конечно же не все, объясняются иностранцу, при этом немец прежде чем понять их должен забыть о своём чувстве языка. Широкое использование подобных форм в текстах Хайдеггера связано с большой степенью прозрачности образований в

немецком языке. В первый раз на это указывает Вандружка. Это влияние, как он говорит, проявляется в немецком сильнее, чем в романских языках или в английском, но меньше чем в русском. Построение большинства слов немецкого словаря позволяет рассматривать отдельные слова как некие прозрачные образования из составляющих их элементов. Хайдеггер в этом случае следует возможностям немецкого языка. Но он исходит не из побуждений, как можно яснее мотивировать это языковое явление, а как мы видим, больше из побуждения расширить словарный запас. Здесь вопрос Вандружка о полезности подобного этимологического словообразования для философии слишком узко поставлен.

Необходимо оценивать любые новообразования как стилистическое средство. Говоря открыто, не стоит у философа отбирать право, принадлежащее поэтам и называемое поэтической свободой. Эта свобода заключается в моделировании предоставляемых языком элементов. «Когда Хайдеггер анализирует *Entfernung* или *Distanz* в «Бытии и Времени», а затем в *Ent-fernung* в смысле *Näherung*, то подобное явление по меньшей мере не оправдано. В этом случае, когда в одном и том же звуковом составе существуют два противоположных содержания, использование подобного образования не оправдывается его полезностью. А именно, составленный с помощью таких компонентов как префикс *ent-* и отгагольно-абстрактного существительного *Fernung* содержание, после конкретного указания, будет понятно всем» [1, с. 493]. Так мы видим это в «Бытии и Времени»: *Wir gebrauchen den Ausdruck Entfernung in einer aktiven und transitiven Bedeutung* [7, с. 105]. К тому же фактически содержание слова *Ent-fernung* не идентично *Näherung* в том смысле, что в одном случае исходным компонентом является *fern*, а в другом *nähe*. В этом случае нельзя считать решающим то, что Хайдеггер в параграфе 23 «Бытия и Времени» инсинуирует такими понятиями, что слово *Ent-fernung* уже изначально указывало на экзистенциальные отношения, всегда находящиеся в *Ent-fernen* или *nähernd-sich-verhalten der Menschen*. Мы полагаем, что это не так, однако Хайдеггеру это представлялось вполне возможным типом выражения. За это говорят параграфы 368-369 «Бытия и Времени». Однако понимаемый всеми смысл дистанции в этом слове действует так сильно, что любое употребление звуковой формы *Entfernung* несёт в себе опасность недопонимания, которое должно предвосхищаться особенно пространными объяснениями. Таким образом, *Ent-fernung* у Хайдеггера используется часто не точно. Позже, открыв в этом способе словообразования огромные возможности, автор использует его ещё чаще. Так допустим в таком предложении, как: *Δίκη aus dem Sen als Anwesen gedacht, ist der fugend-fügende Fug. Αδίκη, die Un-fuge, ist der Un-fug* [7, с. 329]. Здесь использование подобного способа вполне оправдано, оно ясно понимается и побуждает к размышлениям. Однако оно стоит на границе каламбура. Подобные шутки над чувством языка могут скорее оттолкнуть от философского предмета, нежели привести к размышлению над ним.

По Эрбену производные на *-ung* относятся к отглагольным именам. Они служат в содержательном смысле для образования *nominactionis* и «слов, обозначающих результат действия». У Хенцена и в грамматике Дудена они названы *nominactionis*. Хенцен утверждал, что суффиксы *-ungo*, *-ingo* довольно распространены в западногерманских диалектах для обозначения и производства названий действий. Грамматика Дудена доказывает двойной способ образования: с суффиксом *-ung* и вообще без суффикса, которые в основном отличаются по значению (*Schwelle – Schwellung*, *Band – Bindung*), однако не отмечает, что более сильная оппозиция с существительным на *-ung* – это субстантивированные инфинитивы.

Хуго Мозер говорил о росте количества образований с *-ung* и о предпочтении им субстантивированных инфинитивов. Ганц Л. Штольтенберг указывал, что субстантивированные инфинитивы являются дополнением к существительным на *-ung* (в нововерхненемецкий период) при обозначении абстрактного действия. Да и Вильманнс полностью соглашался с этим утверждением.

Особенно интересны результаты подсчёта слов, в которых количество существительных на *-ung* зависит от частотности употребления субстантивированных инфинитивов и наоборот. Так, 138 инфинитивам в первом тексте противостоят 329 существительных на *-ung*, в то время как во втором на 340 субстантивированных инфинитивов приходится лишь 250 существительных на *-ung*. В других философских текстах можно заметить такую же зависимость, как показывает таблица.

Можно ли предположить, что эти две возможности являются равноценными и их выбор лишь дело вкуса? Этому мнения придерживаются многие, в том числе и Эрбен, Бруно Снелль, Йозеф Квинт и другие. Но всё же часто встречаются указания на характерные различия этих двух явлений. Было бы неверным, полагаясь на чувство языка, делать вывод о содержательном совпадении этих двух возможностей, на основе их лёгкой взаимозаменяемости. Можно лишь с трудом найти эти различия. Такая разная частотность употребления подобных образований в «Бытии и Времени» даёт первое указание на содержательное разграничение существительных на *-ung*. Только в части текстов, предметом которых является структурный анализ, превалируют субстантивированные инфинитивы, в частях историческо-философской направленности отдаётся предпочтение существительным на *-ung*. Тот факт не может быть объяснён лишь предпочтениями автора. Это объясняется тем, что изменяется сам предмет мышления, и одновременно выходят вперёд или отступают определённые языковые процессы. Конечно, остаются многие экземпляры обоих видов словообразования, так как большая их часть принадлежит к неизменяемому словарному составу понятийного языка.

Следующие примеры выбраны из первых страниц «Бытия и Времени». *Ausarbeitung/Herausarbeitung (der Seinsfrage)*, *Fundamentierung*, *GewinnungundSicherung (der*

Zugangsart), Hebung (des Seins), Freilegung (des Horizontes) usw. Среди них нет образований, которые вызывают споры у носителей языка, многие в той или иной степени употребительны. В тех отрывках, где Хайдеггер говорит о философских задачах, он описывает то, что намеревается делать. Названные здесь действия не подвергаются анализу, а рассматриваются дистанцированно, как единое целое, и имеют оттенок «совершенства».

Если мы поставим рядом хайдеггеровские слова на *-ung* с инфинитивами, то концентрация глагольного действия будет проявляться ещё сильнее (*Gebung – Geben, Nichtung – Nichten, Hinweisung – Hinweisen*). Два отрывка, которые расположены рядом, и один из которых является аналитическим, а другой – дискриптивно-дискурсивным, могут показать нам предпочтительное использование субстантивированных инфинитивов и существительных на *-ung*.

Was der besorgende Umgang als Herstellen, Beschaffen, aber auch als Abwenden, Fernhalten, Sichschützen vor...nicht bewältigt, das enthüllt sich in seiner Unüberwindlichkeit. Das Besorgen findet sich damit ab. Das Sichabfinden mit...ist aber ein eigener Modus des umsichtigen Begegnenlassens. Auf dem Grunde dieses Entdeckens kann das Besorgen das Ungelegene, Störende, Hindernde, Gefährdende, überhaupt irgendwie Widerständige vorfinden. Die zeitliche Struktur des Sichabfindens liegt in einem gewärtigend-gegenwärtigen Unbehalten. Das gewärtigende Gegenwärtigen rechnet zum Beispiel nicht 'auf' das Ungeeignete, aber gleichwohl Verfügbare. Das Nichtrechnen mit...ist ein Modus des Rechnungstragens dem gegenüber, woran man sich nicht halten kann [7, с. 365-366].

Wenn wir im Zuge der existenzial-ontologischen Analysen nach der 'Entstehung' des theoretischen Entdeckens aus dem umsichtigen Besorgen Fragen, dann liegt darin schon, daß nicht die ontische Geschichte und Entwicklung der Wissenschaft, ihre faktische Veranlassungen und nächsten Abzweckungen zum Problem gemacht werden. Nach der ontologischen Genesis der theoretischen Verhaltung suchend, Fragen wir: welches sind die in der Seinsverfassung des Daseins liegenden, existenzial notwendigen Bedingungen der Möglichkeit dafür, daß das Dasein in der Weise wissenschaftlicher Forschung existieren kann? Diese Fragestellung zielt auf einen existenzialen Begriff der Wissenschaft [7, с. 356-357].

В первом отрывке 15 субстантивированных инфинитивов и не одного существительного на *-ung*, во втором 2 инфинитива и 10 существительных на *-ung*. Ясно, что здесь используется не два идентичных способа словообразования. Даже внутри чисто аналитического текста существует оппозиция субстантивированных инфинитивов и существительных на *-ung*. Хайдеггер рассматривал здесь обсуждаемые в феноменологическом анализе глагольные содержания в различных языковых явлениях. Он надеялся увидеть языковой и внеязыковой аспекты действия и состояния. Но это происходит не благодаря рефлексии, а больше заметно через данное деление словарного состава.

Так в «Бытии и Времени» можно найти следующие оппозиции: *Lichten – Lichtung, Erscheinen – Erscheinung, Vergegenwärtigen – Vergegenwärtigung, Gestimmtsein – Stimmung, Schuldigsein – Verschuldung* и другие подобные им. Более или менее понятны следующие отрывки: *Entscheidend für die Struktur des Phänomens (der Hoffnung) ist aber nicht so sehr der 'zukünftige' Charakter dessen, Worauf sich die Hoffnung bezieht, als vielmehr der existenziale Sinn des Hoffens selbst* [7, с. 345].

Hoffnung в этом отрывке и смысле является употребительным, тоже можно сказать о новообразованном Хайдеггером глаголе *gegenwärtigen* в следующем отрывке: *das zu diesem gewärtigenden Behalten gehörige Gegenwärtigen (kann) es in seiner Verwiesenheit auf das Wozu ausdrücklich näher bringen. Die nähernde Überlegung muß sich im Schema der Gegenwärtigung der Seinsart des zu Nähernden anmessen* [7, с. 360], на этих примерах видно, что субстантивированный инфинитив не схватывает глагольного содержания, скорее позволяет понять его в движении. Он не создаёт некоего неподвижного понятийного обобщения глагольного действия. Абстракции на *-ung*, напротив, создают именно эти понятийные обобщения, в котором динамика настолько нейтрализована, что ему придаётся характер существительного.

Эта картина подобных языковых отношений, конечно, не исключает совпадений значения в отдельных случаях. Рядом с вычлениением из словарного состава способ действия глагола играет роль, которую мы здесь не могли учесть.

Рядом с большими группами отглагольных существительных, которые мы уже описали, Хайдеггер использовал и другие возможности номинализации. Так, рядом с уже названными существительными и субстантивированными инфинитивами появляются такие слова, как *die Gabe, der Hinweis, das Verhältnis, die Zeige, die Nichte*. По сравнению с этими абстрактными существительными производные на *-ung* имеют больший глагольный характер, эти существительные более статично-конкретны (предметнее). Для более полного охвата отглагольных абстрактных существительных мы должны рассмотреть и такие случаи.

В своих ранних работах Хайдеггер довольно редко пользуется такими образованиями. Таким образом, они лишь упоминаются и противопоставляются всем предыдущим типам субстантивации. *Die Begegnis, der Bevorstand, der Hinausstand, der Entstand, die Kunft, der Einsprung, die Verfängnis, die Vorhabe, der Überstieg*, и как новые существительные от *anzeigen, überwerfen – die Anzeige, der Überwurf*. Некоторые существительные с суффиксами *-heit, -keit, -igkeit* следует описать именно здесь, так как они образованы от совершенных глагольных форм. Суффикс *-heit* чаще всего появляется после номинальных глагольных форм, например, партиципов и претеритов. Целый ряд важных терминов, встречающихся в «Бытии и Времени», относится к области глагольной мысли: *Angewiesenheit, Ausgesprochenheit,*

Hinausgesprochenheit, Erschlossenheit, Entdecktheit, Gestimmtheit, Bewegtheit, Beschlossenheit и так далее. Но во многих производных и от прилагательных ещё активно глагольное начало. *Befindlichkeit, Mitbefindlichkeit, Dienlichkeit, Ständigkeit, Vermeintlichkeit* и другие понимаются благодаря глаголам, и стоящим в их основе и появляющимся рядом с ними. При этом, конечно, нельзя игнорировать дополнительные значения, сообщаемые существительному суффиксами прилагательных. Существительные подобного рода обозначают определённые состояния, в основе своей это состояние результиивно. В большинстве случаев существительные на *-heit* образуются, когда невозможно образовать другие абстракции от глаголов, например, на *-ung*.

В сравнении с *nominaactionis* на *-ung* и *-nis* субстантивированные инфинитивы проявляют большую продуктивность: действие или состояние понятий, но более наглядно, так сказать мысленно, они не переходят полностью из динамического глагольного статуса в класс существительных. Это ещё сильнее видно при непосредственном рассмотрении. Карл Корн не единственный, кто признаёт субстантивацию у Хайдеггера как языковой и духовно-исторический феномен. С.Н. Бредихин в своей работе «К вопросу о феномене «языковой игры» философов и писателей (введение в теорию «Языковых игр» Л. Витгенштейна и практические исследования на материале философских текстов М. Хайдеггера)» указывает: «Мы вновь приходим к тому, что имеется внутренняя связь между философским инфинитивом и инфинитивом организованного мира... Общее – это статика, можно предположить, что инфинитивный стиль является глагольным и выражает действия и процессы. В определённом смысле это соответствует действительности, так как действия понимаются как зарегистрированные. Инфинитив нового вида превращает действия и процессы в статику бытийного характера» [2, с. 171]. Здесь, как мы видим, С.Н. Бредихин уловил ценность субстантивации инфинитива, он видит, что «стиль с использованием инфинитивов можно назвать глагольным», но ещё ближе он к истине, называя субстантиванты «инфинитивами нового вида» с особой способностью придавать действию «статику бытийного характера» [2, с. 171]. Речь здесь идёт о мышлении, в центре которого действия и процессы. В другом высказывании Корн критикует «безличность» инфинитивов, которым он предпочитает личные формы глаголов.

Из текстов видно, что оба способа словообразования отличаются друг от друга. Эти различия должны проявиться и в грамматическом написании. Общее в их содержательном аспекте то, что они могут быть обозначены как *nominaactionis*. Различие между ними было бы ясным при рассмотрении в грамматике содержаний, которое Вайсгербер обозначил как «союз слов». Это аналог формально построенных групп для классификации словарного состава, как если бы в этих классах формально одинаковые или различные слова образовывали бы подгруппы по смыслу. Таким образом, субстантивированные инфинитивы и абстрактные

существительные на *-ung* относятся к двум различным союзам слов, внутри класса *nominaactionis*.

Задача исследования – понять язык Хайдеггера, а не описывать общие языковые отношения по принципам грамматики смыслов. Мы, однако, должны определиться, на каких языковых данностях основывается мышление Хайдеггера. Мы далеки от того, чтобы ответить на вопрос, который возникает при рассмотрении перехода слов из одной части речи в другую. Какое значение для мышления имеет то, что немецкий язык позволяет без труда субстантивировать глаголы и что эта возможность используется всё шире в отличие от других языков.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Этимологическое переразложение и синтез как базовые механизмы дифракции и модификации суперструктуры смысла // *Фундаментальные исследования*. – 2013. № 6 (часть 2). – С. 490–494.
2. Бредихин С.Н. К вопросу о феномене «языковой игры» философов и писателей (введение в теорию «Языковых игр» Л. Витгенштейна и практические исследования на материале философских текстов М. Хайдеггера). Монография / Бредихин С.Н. – Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2005. – 246 с.
3. Бредихин С.Н. Смыслообразование в производных субстантивных конструктах философского дискурса // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 10 (часть 10). – С. 2340–2344.
4. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. *Deutsche Wortgeschichte*. Hrsg. von Maurer F., Rupp H. 3., neubearb. Auflage. In 3 Bd: Bd.I, 1974, Bd.II, 1974, Bd.III, 1978. – Berlin. – New York: W.de Gruyter. – 581 S.+697 S.+231S.
6. Erben J. Zum Gebrauch der sogenannten Ge-Abstrakta // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. – Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1953. – Bd. 75. – H. 1. – S. 314–320.
7. Heidegger M. *Sein und Zeit* / M. Heidegger – Tübingen: Max Niemeyer Verlag. – Elfte, unveränderte Auflage, 1967. – 450 S.

Рецензенты:

Чанкаева Т.А., д.фил.н., профессор, профессор кафедры связей с общественностью ННОУ ВПО «Институт Дружбы народов Кавказа», г. Ставрополь.

Манаенко Г.Н., д.фил.н., профессор кафедры русского языка ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.